

HAMLET¹

Boris Pasternak 1890 - 1960

The noise dies down. I have appeared.
I listen, standing on the stage,
And in the distant echo try to hear
What is to happen in this age.

A thousand opera glasses near and far
Level at me the blackness of the night.
If it be possible, O Abba Father,
Then cause this cup to pass me by.

I love your stubborn plan, and am content
To play the part reserved for me;
But the drama acted now is different—
So this time, Father, let me be.

But the sequence of the acts is planned with care,
And inescapable the destined goal.
I am alone. The Pharisees subdued the rest.
The road through life is not a country stroll.

Translated by Yakov Hornstein

¹ From "Zhivago's Poems" from the novel *Doctor Zhivago*.

THE WIND¹

I reached the end, but you live on.
The wind is weeping and complains
And rocks the cottage and the trees.
Not single pine trees, one by one,
But all together, and with these
The vast receding distances,
Like hulls of ships that dropped their sails
At anchor in a glassy bay.
This is no blind and aimless rage,
No urge to dare and to defy—
It is the anguished search for words
To sing to you a lullaby.

Translated by Yakov Hornstein

FEBRUARY ...

February. Get your ink and weep.
Write about February in sobs,
So long as squelching slush and sleet
Burn with the spring of blackened blobs.

Then hire a cab. Through peals of church bells,
Through joyous screeches of the wheels,
To where the downpour thunders loudest
And drowns the din of ink and tears.

Where rocks plunge from the trees in thousands—
Like pears, burnt down and carbonized,
And falling, dissipate dry sadness
Deep in the orbits of one's eyes.

Patches of snow are mixed with mire,
And shrieks have torn the wind to bits.
With chance as perfect versifier,
The poem shapes itself in tears.

1912

Translated by Yakov Hornstein

Vladimir Mayakovsky

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

Это вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромео и Джульетт.

Это вам —
пентры,
раздобревшие как кони,
жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по-старому драконя
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристки,
имажинистки,
акмеистки,
запутавшиеся в паутине рифм.

Это вам —
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти — лак,
пролеткультцы,
кладущие заплатки
на вылинявший пушкинский фрак.

Это вам —
пляшущие, в дуду дующие,

ORDER NO. 2 TO THE ARMY OF THE ARTS¹

This is for you—
the fleshy baritones
who, since the days
of Adam,
have shaken those dens called theaters
with the arias of Romeos and Juliets.

This is for you—
the *peintres*,
grown as robust as horses,
the ravening and neighing beauty of Russia,
skulking in ateliers
and, as of old, imposing Draconian laws on flowers
and bulking bodies.

This is for you—
who put on little fig leaves of mysticism,
whose brows are harrowed with wrinkles—
you, little futurists,
imaginists,
acmeists,²
entangled in the cobweb of rhymes.

This is for you—
who have exchanged rumped hair
for a slick hairdo,
bast shoes for lacquered pumps,
you, men of the Proletcult,³
who keep patching
Pushkin's faded tailcoat.

This is for you—
who dance and pipe on pipes,

и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.
Вам говорю
я —

гениален я или не гениален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте,
говорю вам —
пока вас прикладами не прогнали:
Бросьте!

Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из arsenалов искусств.
Кому это интересно,
что — «Ах, вот беденький!
Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол:
«Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в депо!»

sell yourselves openly,
sin in secret,
and picture your future as academicians
with outsized rations.

I admonish you,

I—

genius or not—
who have forsaken trifles
and work in Rosta,⁴

I admonish you—

before they disperse you with rifle-butts:
Give it up!

Give it up!

Forget it.

Spit

on rhymes

and arias

and the rose bush

and other such mawkishness
from the arsenal of the arts.

Who's interested now

in—"Ah, wretched soul!

How he loved,

how he suffered . . .?"

Good workers—

these are the men we need

rather than long-haired preachers.

Listen!

The locomotives groan,

and a draft blows through crannies and floor:

"Give us coal from the Don!

Metal workers

and mechanics for the depot!"

У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!»
Пока канителю, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» —
несется вопль по вещам.

Нет дураков,
жда, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.
(1921)

At each river's outlet, steamers
with an aching hole in their side,
howl through the docks:
"Give us oil from Baku!"
While we dawdle and quarrel
in search of fundamental answers,
all things yell:
"give us new forms!"

There are no fools today
to crowd, open-mouthed, round a "maestro"
and await his pronouncement.
Comrades,
give us a new form of art—
an art
that will pull the republic out of the mud.
(1921)

Уже второй. Должно быть, ты легла.
В ночи Млечпуть серебряной Окою.
Я не спешу, и молниями телеграмм
мне незачем тебя будить и беспокоить.
Как говорят, инцидент исперчен.
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчете. И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.
Ты посмотри, какая в мире тишь.
Ночь обложила небо звездной данью.
В такие вот часы встаешь и говоришь
векам, истории и мирозданию.
(1930)

PAST ONE O'CLOCK¹. . .

Past one o'clock. You must have gone to bed.
The Milky Way streams silver through the night.²
I'm in no hurry; with lightning telegrams
I have no cause to wake or trouble you.³
And, as they say, the incident is closed.⁴
Love's boat has smashed against the daily grind.
Now you and I are quits. Why bother then
to balance mutual sorrows, pains, and hurts.
Behold what quiet settles on the world.
Night wraps the sky in tribute from the stars.
In hours like these, one rises to address
The ages, history, and all creation.
(1930)

Sergey Yesenin

1895-1925

MY LEAFLESS MAPLE TREE . . .

FROM THE START . . .

From the start, each living thing's
Got its own mark upon it.
I'd have been a thief and a cheat
If I'd not turned out a poet.

Scrawny and undersized,
Always the hero of the gang,
I'd often come back home
With my nose bashed in.

And when my scared mother saw me,
Through bleeding lips I'd murmur:
"It's nothing! — I tripped up.
I'll be all right tomorrow!"

Now that the seething cauldron
Of those days has cooled at last,
The restlessness and daring
Has spilt over into my verse—

A glittering heap of words,
And each line endlessly
Reflecting the bragging and bounce
Of an ex-daredevil and bully.

I'm still as bold and as proud.
Not for me the beaten track.
But now my soul's all bloodied,
Instead of my face getting bashed.

And it's no longer mother I'm telling,
But a mob of laughing strangers:
"It's nothing! — I tripped up.
I'll be all right tomorrow!"

My leafless maple tree, your icy coating,
Why do you stand here bowed, in the white blizzard?

Or did you hear something? Did you see something?
As if you'd gone walking beyond the village confines,

And like a drunken watchman, setting off down the road,
Got buried in a snowdrift, so your legs froze hard?

Like you I'm none too steady either on my pins,
I'll not make it back from this drinking bout with my friends.

What's this? A willow tree! And over there's a pine!
I sing them songs of summer to the snowstorm's whine.

It seems to me that I'm just like the maple tree,
Only not stripped bare all covered in green.

And in a drunken stupor, shameless and uncontrite,
I embrace a little birch, like someone else's bride.

1925

Translated by Daniel Weissbort

by the revolution mobilized and drafted,
went off to the front ^{Mayakovsky}
from the aristocratic gardens ^{"About that"}

of poetry—
the capricious wench.
She planted a delicious garden,
the daughter,
cottage,
pond,
and meadow.

Myself a garden I did plant,
myself with water sprinkled it.³
Some pour their verse from water cans;
others spit water

from their mouth—
the curly Macks,
the clever Jacks⁴—

but what the hell's it all about!
There's no damming all this up—
beneath the walls they mandolin:

"Tara-tina, tara-tine,
tw-a-n-g . . ."⁵

It's no great honor, then,
for my monuments

to rise from such roses
above the public squares,
where consumption coughs,
where whores, hooligans, and syphilis
walk.

Agitprop⁶
sticks
in my teeth too,
and I'd rather
compose
romances for you—
more profit in it
and more charm.

But I
subdued
myself,
setting my heel
on the throat
of my own song.
Listen,
comrades of posterity,

1922

Translated by Daniel Weissbort

Swanlike . . .

so how does it happen?
Like a lake of water running dry—
Into air. I can feel our hands touching.
To separate is the shock of thunder.

Upon my head—oceans rushing into the cabin!
The furthest promontory of Oceania!
And the streets are steep.
To separate. That means to go downward,

Downhill . . . The sighing sound of two heavy
Soles . . . The hand, at last, the nail!
A logic that turns everything over:
To separate means we have to become
Single creatures again,

We who had grown into one.

1 February (Prague)—8 June 1924 (Ilovishchi)
Translated by Elaine Feinstein (Revised)

AN ATTEMPT AT JEALOUSY

Home is your life with the other one,
Simpler, isn't it? One stroke of the oar
Then a long coastline, and soon
Even the memory of me

Will be a floating island
(In the sky, not on the waters):
Spirits, spirits, you will be
Sisters, and never lovers.

How is your life with an ordinary
Woman? without godhead?
Now that your sovereign has
Been deposed (and you have stepped down),

How is your life? Are you fussing?
Flinching? How do you get up?
The tax of deathless vulgarity,
Can you cope with it, poor man?

“Scenes and hysterics—I’ve had
Enough! I’ll rent my own house.”
How is your life with the other one
Now, you that I chose for my own?

More to your taste, more delicious
Is it, your food? Don’t moan if you sicken.
How is your life with an *image*,
You, who walked on Sinai?

How is your life with a stranger
From this world? Can you (be frank)
Love her? Or do you feel shame
Like Zeus’s reins on your forehead?

How is your life? Are you
Healthy? How do you sing?
How do you deal with the pain
Of an undying conscience, poor man?

How is your life with a piece of market
Stuff, at a steep price?
After Carrara marble,
How is your life with the dust of

Plaster now? (God was hewn from
Stone, but he is smashed to bits.)
How do you live with one of a
Thousand women, after Lilith?

Sated with newness, are you?
Now you are grown cold to magic,
How is your life with an
Earthly woman, without a sixth

Sense? Tell me: are you happy?
Not? In a shallow pit? How is
Your life, my love? Is it as
Hard as mine with another man?

19 November 1924
Translated by Elaine Feinstein

HOMESICKNESS

Homesickness! that long
Exposed weariness!
It's all the same to me now
Where I am altogether lonely

Or what stones I wander over
Home with a shopping bag to
A house that is no more mine
Than a hospital or a barracks.

It's all the same to me, a captive
Lion—what faces I move through
Bristling, or what human crowd will
Cast me out as it must—

Into myself, into my separate internal
World, a Kamchatka bear without ice.
Where I fail to fit in (and I'm not trying) or
Where I'm humiliated it's all the same.

And I won't be seduced by the thought of
My native language, its milky call.
How can it matter in what tongue I
Am misunderstood by whomever I meet

(Or by what readers, swallowing
Newsprint, squeezing for gossip?)
They all belong to the twentieth
Century, and I am before time,

Stunned, like a log left
Behind from an avenue of trees.
People are all the same to me, everything
Is the same, and it may be that the most

Indifferent of all are those
Signs and tokens which once were
Native but the dates have been
Rubbed out: the soul was born somewhere,

But my country has taken so little care
Of me that even the sharpest spy could
Go over my whole spirit and would
Detect no birthmark there!

Houses are alien, churches are empty
Everything is the same:
But if by the side of the path a
Bush arises, especially
a rowanberry . . .

1934

Translated by Elaine Feinstein

READERS OF NEWSPAPERS

It crawls, the underground snake,
Crawls, with its load of people.
And each one has his
Newspaper, his skin
Disease; a twitch of chewing:
Newspaper *caries*.
Masticator of gum,
Readers of newspaper.

And who are the readers? old men? athletes?
Soldiers? No face, no features,
No age. Skeletons—there's no
Face, only the newspaper page.
All Paris is dressed
This way from forehead to navel.
Give it up, girl, or
You'll give birth to
A reader of newspapers.

Sway—HE LIVES WITH HIS SISTER—
Swaying—HE KILLED HIS FATHER! —
They blow themselves up with vanity
As if swaying with drink.

For such gentlemen what
Is the sunset or the sunrise?
They swallow emptiness,
These readers of newspapers!

For news read: calumnies,
For news read: embezzling,
In every column slander,
Every paragraph some disgusting thing.

O with what, at the Last Judgment
Will you come before the light?
Grabbers of small moments,
Readers of newspapers,

Gone! lost! vanished!
The old maternal terror.
But mother, the Gutenberg Press
Is more terrible than Schwartz's powder.¹

It's better to go to a graveyard
Than into the prurient
Sick bay of scab scratchers,
These readers of newspapers.

And who is it rots our sons
Now in the prime of their life?
Those corrupters of blood
The writers of newspapers.

Look, friends—much
Stronger than in these lines! — do
I think this, when with
A manuscript in my hand

I stand before the face
—There is no emptier place—
Than before the absent
Face of an editor of news

Papers' evil filth.

1939

Translated by Elaine Feinstein

¹ Berthold Schwartz, a German monk widely viewed as the developer of gunpowder in the fourteenth century.

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожидок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шелемя кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930

Ахматова

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чай с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910

Киив

655. НЕЗНАКОМКА

Блок

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,

И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный.
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса сложенные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цвѣтут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергнувши (с оного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлюной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью —
Избранному мосму!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Пристися — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой!

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшебам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября

Цветаева

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц — оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единости чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тицусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетия — он,
А я — до всякого столетия!

Остолбеневши, как брезвно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

Май 1934